

*Джульетте.
Никому другому эта книга
посвящена быть не могла.*

**Запуск воздушных шаров по случаю
юбилейного выпуска 2004 года
школы Фортескью-Лейн:
50 лет качественного образования!**

Эмми Блю, 16 лет, класс IIR
Старшая школа Фортескью-Лейн, Рамсгейт,
Кент, Соединенное королевство
Emmeline.Blue.1999@fortescue.kent.sch.uk
1 июля 2004

Если этот воздушный шарик когда-нибудь и найдут, только ты будешь знать правду. Это была я. Я та самая девушка с Летнего бала. И я ничего не выдумывала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я была готова, совершенно готова к тому, что он это скажет. Так готова, что вся сияла, и представляю себе, какими красными были в тот момент мои щёки — как у беспризорников в романах Чарльза Диккенса; эдакий сияющий помидор. Всего пять минут назад всё было идеально, а я часто говорю это слово, поскольку даже то, что порой кажется идеальным — люди, поцелуи, сэндвичи с беконом — оказывается совсем не таким. Но здесь всё было идеально. Ресторан, накрытый стол, горящие свечи, пляж за верандой, тихий плеск волн и вино, очень похожее на то, что мы пили девять лет назад, в наш двадцать первый день рождения — названия я, конечно, запомнить не смогла. Волшебные огни гирлянд, оплывавших колонны деревянной беседки, где мы сидели. Морской бриз. Даже мои волосы были уложены безупречно — впервые с того раза...хм, да, видимо, с того единственного раза, который был в те незапамятные времена, когда я еще слушала музыку на своем «Сони Уокмэне» и надеялась, что Джон Бон Джови ни с того ни с сего заявит в Рамсгит и пригласит меня на бургер и картошку фри.

И Лукас. Конечно же, Лукас, но он всегда настолько близок к идеалу, насколько вы можете себе представить... Я закрываю глаза, прижимаю ладонь ко лбу, колени — к холодному полу туалета и думаю о нём, сидящем в соседней комнате. Очень красивый, в классическом, английском понимании этого слова. Кожа, чуть загоревшая под солнцем Франции. Накрахмаленная белая рубашка, открытая у воротника. Когда мы только что сюда приехали, всего пару часов назад, и тут же заказали вино и закуски, я смотрела на него и мечтательно думала — интересно, кем мы кажемся другим посетителям, обласканным в лучах заходящего солнца? Кем мы кажемся незнакомцам, с туфлями в руках гуляющим по пляжу мимо нашей веранды? Может быть, счастливой парой, празднующей в ресторане какую-то важную дату? Годовщину свадьбы? Или решившей устроить свидание, удрав от детей? Двоих. Мальчика и девочки.

— Я так волнуюсь, Эм, — наконец начал Лукас, нервно хихикнув, постучав пальцами по столу, покрутив кольцо на указательном пальце, — но я хочу тебя попросить...

И в этот момент, за этим столом, в этом ресторане — в туалете которого я сейчас прячусь — я осознала, что готова и уверена в своём ответе больше, чем когда-либо была уверена в чём угодно. Готова и хочу сказать да. Я даже заранее продумала, как я это скажу, хотя Розы и считала, что если продумать заранее, получится натянуто, как будто на самом деле я не хочу говорить да, как будто, как она выразилась, «тебе в спину упирается пистолет маньяка, Эмми, потому что именно так ты и говоришь, когда нервничаешь». Но

я всё равно проиграла этот сценарий в голове сегодня утром. Я хотела сказать что-нибудь милое и остроумное, вроде «и чего ты так долго ждал, Лукас Моро?» — и чтобы он потянулся ко мне через стол, покрытый скатертью с зубчатым краем, какими в «Ле Риваже» всегда накрывали маленькие круглые столики, и сжал мою руку. И чтобы мы побрели назад по пляжу, и Лукас, как всегда, показывал мне то самое место, где много лет назад нашёл мой воздушный шарик.

Он, конечно, целовал бы меня. В машине. Он бы остановился, медленно склонился ко мне и поцеловал бы, придерживая ладонью мой подбородок. Лукас поцеловал бы меня впервые за четырнадцать лет, и мы оба ощутили бы вкус мидий мариньер и мятных конфет, которые приносят на блюде вместе с чеком, и после стольких лет я наконец смогла бы выдохнуть. Потому что всё пережитое того стоило. Четырнадцать лет дружбы и шесть лет подавленного желания сказать, что я к нему чувствую, сегодня должны были привести к желанному финалу.

Вот чего я ждала. Не этого. Не того, что я буду сидеть, скорчившись в туалете, этим идеальным вечером, в нашем идеальном ресторане, на нашем идеальном пляже, после идеального ужина, который теперь, наполовину переваренный, смотрит на меня из унитаза, как бы символизируя полнейшую, мать её, катастрофу. Я ждала, что скажу да. Несколько минут назад я думала — слово вертелось на кончике языка, спина была прямой, в глазах сияли звёзды — что скажу да, и из самых лучших и преданных друзей мы наконец станем парой. За день до того, как нам испол-

нится тридцать. Потому что какой ещё вопрос Лукас не мог задать мне по телефону?

Мне казалось, я сумела скрыть изумление, резко ударившее меня, как сильная пощёчина, и мучительную, тошнотворную боль, сжавшую желудок, пока мой мозг медленно впитывал его слова, как пирог впитывает приторный сироп. Наверное, я раскрыла рот и глупо уставилась на Лукаса, потому что его улыбка угасла, глаза сузились в щёлки — верный признак беспокойства.

— Эмми?

И я сказала именно это. Потому что, глядя на него через стол, не могла сказать ничего другого.

— Да.

— Да? — повторил он, приподняв светлые брови, расслабив широкие плечи.

— Да, — вновь сказала я, и прежде чем смогла выдавить ещё хоть слово, хлынули слёзы. И здесь, я должна сказать, я справилась мастерски. Потому что, с точки зрения Лукаса, это были слёзы не боли, не опустошения, не страха. Это были счастливые слёзы. Слёзы радости и гордости за моего лучшего друга, решившего принять важное решение, слёзы умиления, оттого что я стала частью такого важного события. Вот почему он облегчённо улыбнулся. Вот почему встал со стула, обошёл круглый стол, на котором горели свечи, наклонился и обвил меня сильными руками.

— Ну ладно тебе, Эм, — смеясь, прошептал он мне в ухо. — Так-то уж не реви. Люди подумают, что я какой-нибудь сукин сын, разбивший тебе сердце.

Очень смешно. Именно так оно и было.

И вот оно: жар, поднявшийся от живота к груди.

— Мне нужно в туалет.

Лукас отошёл в сторону, и я молила лишь об одном: чтобы он не задавал вопросов, чтобы не смотрел мне в глаза. Он бы всё понял.

— Что-то голова болит с утра, — врала я, — может, мигрень, ну, сам знаешь. Приму таблетку, умоюсь... — будто я размазала макияж. Но ведь в фильмах так и говорят, да? А всё, что сейчас произошло, казалось ненастоящим. Таким оно кажется и теперь, когда я обнимаю этот общественный, пусть и сияющий, унитаз, забрызганный остатками вина и пищи, которую мы, счастливые и сияющие, заказали всего час назад.

Женится. Лукас женится.

Через девять месяцев человек, который был моим лучшим другом целых четырнадцать лет, человек, которого я люблю, станет мужем женщины, которую он любит. Другой женщины. А я буду стоять рядом с ним у алтаря в качестве подруги жениха.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вдверь кабинки стучат.
— Excusez-moi? Ça va?*

Меня всегда рвало очень громко. Я издаю такие стоны, будто меня изо всех сил бьёт в желудок профессиональный рестлер, и, полагаю, добрая обеспокоенная женщина по ту сторону кабинки хочет убедиться, что с ней такого не произойдёт, если она зайдёт помыть руки.

— Да, — отвечаю я, — всё о'кей. Мне просто нехорошо... *malade*. Да. *Je suis malade*.

Женщина задаёт мне на французском ещё какие-то вопросы, которых я не понимаю, но улавливаю слова «партнёр» и «ресторан». Потом она умолкает, и я слышу шорох её шагов. Дверь тихо скрипит, будто женщина прижимается к ней ухом.

— Позвать кого-нибудь? С вами точно всё в порядке?

Голос молодой. Взволнованный. Видимо, эта женщина помогает всем подряд, как Мари. Мари всегда остановится, чтобы помочь любому пьянице перейти улицу, и будет говорить с ним тихо, спокойно, и мысль, что у него за спиной нож и что она очень даже может не дожить до пенсии, не проникнет в её в принципе хо-

* Простите, с вами всё в порядке? (*франц.*)

рошо работающий мозг. Ничего удивительного, правда? Ничего удивительного, что они вновь сошлись. Ничего удивительного, что он на ней женится.

— Эй? — снова зовёт женщина.

— Нет. Нет, — мой голос кажется мне натянутым и писклявым, — не волнуйтесь. Всё нормально. Merci. Merci beaucoup.

— Вы уверены? — она сомневается.

— Да. Но спасибо. Спасибо большое.

Она говорит что-то ещё, чего я не понимаю, потом я слышу скрип петли и тихий стук двери под романтические ноты классической музыки, доносящиеся из динамика. Я краснею и медленно поднимаюсь на ноги. Колени покалывает. Рассыпавшиеся локоны — все мокрые. Не могу поверить, что меня ни с того ни с сего стошнило. Так внезапно. Так сильно. Всё равно что героинь «Эммердейла»*, которые бросаются в туалет, услышав шокирующие новости, и торчат там, напряжённо таращась в сливное отверстие. Ах, как драматично, думаю я теперь, глядя на себя со стороны, как на персонажа сериала. Но, похоже, за мои почти тридцать лет меня ещё не били в живот настолько сильно.

Я достаю телефон, снимаю блокировку, открываю нашу переписку в ватсап. Инстинкт, на который реагируют пальцы, прежде чем мозг успевает воспротивиться. Привычка. В первую очередь я всегда захожу сюда. Лукас Моро был онлайн в 18.57. Сейчас он, конечно, оффлайн. Он сидит по другую сторону туалетов, на залитой волшебным светом, выходящей на пляж веранде, напротив пустого стула, за полусъеден-

* Британская мыльная опера 1970-х о жизни на ферме.

ной тарелкой мидий в чесночном соусе и ждёт меня. Я просматриваю наши последние сообщения, отправленные несколько часов назад.

Эмми: Рядом со мной сидит мужчина и ест кальмаров из пакета для заморозки! Фууу! СПАСИ МЕНЯ!

Лукас: Ахаха, серьёзно?

Эмми: Сейчас в обморок упаду от вони!

Лукас: Буду ждать тебя с нашатырным спиртом. Ты справишься, Эмми Блю, ты сильная! Ты крепкий орешек.

Он всегда так говорит. Таков ответ Лукаса на все мои тревоги, все мои сомнения. Он сказал именно это, когда мне было семнадцать, я осталась совсем одна в Рождество и позвонила ему, надеясь, что он возьмёт трубку и я услышу его голос. Когда я уехала из Рамсгита и перебралась в город по соседству, подальше от перешёптываний и взглядов в коридорах колледжа. Когда четыре года назад мой парень Адам бросил меня в маленькой квартирке, которую мы начали снимать вдвоём. Последний раз, когда Лукас это сказал — не считая эпизода с кальмарами — был восемнадцать месяцев назад. Я тогда наконец оставила попытки в одиночку снимать квартиру и переместилась в маленькую, жаркую в любую погоду комнатку со сварливой владелицей. «Ты справишься, — сказал он мне по фейстайму, когда мы оба лежали каждый в своей постели, — ты крепкий орешек, Эмми Блю. Помни об этом». Интересно, что он сказал бы теперь, если бы я оказалась в этой туалетной кабинке по вине кого-то

другого? Наверное, посмеялся бы, а потом сказал: «Господи, Эм, да как такое вообще могло случиться?» А потом: «Ну так ему и надо. Если он не понял, какое ты сокровище...»

Я кладу телефон обратно в сумку, мою руки мылом, пахнувшим, как кондиционер для белья, и выпрямляю спину перед длинным рядом зеркал. Теперь по мне не скажешь, что меня по-прежнему мутит и трясёт и моё сердце разбито. Я такая же хорошенькая и сияющая, как два часа назад, когда выехала из дома родителей Лукаса. Только тушь в уголке глаза размазалась, но я тут же её стираю. Всё хорошо. Он не должен ничего узнать. Тем более теперь.

Я открываю дверь, на секунду останавливаюсь, чтобы пропустить двух улыбающихся, пахнущих духами женщин, и выхожу — уверенная, прямая, насколько это у меня получается. Тихая болтовня звучит в унисон со звоном бокалов, стуком столовых приборов по тарелкам и приглушённой музыкой. Воздух густой, как всегда в «Ле Риваж». Пахнет чесноком, лимонами и морем. Этот ресторан — одно из моих любимых мест. И всегда им был. Мои лучшие воспоминания впечатались в его стены, в древесину пола. Столько бесконечных летних дней и бесцельных пляжных прогулок за последние тринадцать лет приводили нас сюда. Мы проезжали целые мили, чтобы добраться до ресторана — Лукас, только что закончивший универ, и я, только что получившая работу администратора. Мы медленно ехали мимо огромных замков и ветхих коттеджей четырехсотлетней давности, мечтая о том, какие из этих домов станут нашими и что в них мы переделаем, а что оставим. Конеч-